

Геннадий Григорьевич Красухин, доктор филологических наук, профессор. Автор 19 книг и около 500 печатных работ о творчестве Пушкина, о современной поэзии, политологического и мемуарного характера. Среди них наиболее значительны «В присутствии Пушкина» (1985), «Доверимся Пушкину» (1999), «Пушкин: драматические произведения» (2004), «Путеводитель по роману А. С. Пушкина “Капитанская дочка”» (2005), «Путеводитель по роману в стихах А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» (2012), «В гармонию сквозь хаос» (2011), «Преодолевающая тяжесть: Художественный мир Пушкина в его наиболее примечательных произведениях» (2013), «Портрет счастливого человека: Книжечка о Булате» (2012), «Стёжки-дорожки. Литературные нравы недавнего прошлого» (2005), «Комментарий. Не только литературные нравы» (2008), «Путеводитель по судьбе. От Малого до Большого Гнездиновского переулка» (2009), «Мои литературные святцы» (в 4 книгах; 2015), а также художественное повествование «Два дня в сентябре» (написано в 1980, опубликовано в 1994 году).

ISBN 978-5-94457-255-4

9 785944 572554 >

ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ЖИЗНЬ
КОРОТКАЯ ТАКАЯ...

Г. Г. Красухин

Г. Г. Красухин

ТЕМ БОЛЕЕ
ЧТО ЖИЗНЬ
КОРОТКАЯ ТАКАЯ...

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Геннадий Красухин

ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ЖИЗНЬ
КОРОТКАЯ ТАКАЯ...

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2016

ББК 84-4
УДК 821.161.1
К 78

Красухин Г. Г.

К 78 Тем более что жизнь короткая такая... — М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 448 с. — (Studia philologica).

Это наиболее полные биографические заметки автора, в которых он подводит итог собственной жизни. Почти полвека он работал в печати, в том числе много лет в знаменитой «Литературной газете» конца 1960-х — начала 1990-х годов. Четверть века преподавал, в частности в Литературном институте. Нередко совмещал то и другое: журналистику с преподаванием.

На страницах книги вы встретитесь с известными литераторами, почувствуете дух времени, которое видоизменялось в зависимости от типа государства, утверждавшегося в нашей стране.

Рассчитанная на массового читателя книга прежде всего заинтересует любителей мемуарного чтения

УДК 821.161.1
ББК 84-4

*В оформлении переплета использована картина И. К. Айвазовского
«Заход солнца на море» (1866)*

ISBN 978-5-94457-255-4

© Красухин Г. Г., 2016
© Языки славянской культуры, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Мне четырнадцать лет...

Про ВХУТЕМАС дальше не будет. Я в нём не учился. Не мог ни по возрасту (уже в 1927-м он был переименован во ВХУТЕИН, который в 1930-м расформировали), ни по дарованию. Да и вообще я не цитирую, а констатирую факт.

Мне четырнадцать лет. Сквозь замутнённое сознание доносится: «Вот наворую, мы с тобой такие ликёры будем пить! Ты пил “Шар-трез”?» Сашкино лицо качается и расплывается. Но если закрыть один глаз, оно останавливается. «Нет», — говорю. «Будешь, — уверенно говорит Сашка, — вот наворую...» И он подливает в мой и свой стакан меловой, сладкой и невероятно крепкой браги.

На брагу меня позвал сосед Витька. Ему девятнадцать. Брагу варит его бабушка. К Витьке пришли дружбаны — Колян и Сашка. Колян старше. Ему за двадцать. Сашка с Витькой ровесники. А меня позвал Витька, как ещё одного своего дружбана. Ну, не такого, конечно, как они. Но я помогаю Витьке. Выполняю его поручения. И он это ценит.

Хотя поручения несложные. В основном они касаются Витькиных девок. У Витьки их много. Моя обязанность схватить трубку телефона и спросить, если просят позвать Витьку: «А кто его спрашивает?» И передать трубку Витьке только в том случае, если звонит та, которую он мне назвал. Остальным говорить, что он будет сегодня поздно и что я обязательно передам Витьке, что она ему звонила.

Витька рад такому пособничеству. У него есть постоянная любовница. Её зовут Таня, и она в этом году поступила в медицинский ин-

ститут. Она и звонит чаще всего. И чаще всего мне приходится врать ей. Но она обязательно поздно вечером перезванивает. И будит уже заснувших соседей. Да и Витькину мать — тётю Катю — тоже.

Телефон висит в коридоре. А он у нас небольшой. В него выходят все три комнаты — тётиленина и дядимотина, тётикатина и Витькина, и наша. Дядя Мотя — трамвайный вожатый. Работает через день. Но когда работает, встаёт в шестом часу утра. Гремит чайником в кухне и будит наиболее чутких соседей. А те не выпались, потому что около двенадцати ночи их разбудила Таня. Витька-то схватил трубку и закрылся с ней в уборной. Но что толку? Его, может, и не слышно, но люди-то проснулись.

Дядя Мотя — нет. Когда он не работает, он пьёт. И засыпает рано. Но Ирка с матерью тётей Леной, моя матушка и, как я уже сказал, тётя Катя просыпаются почти всегда. И дядя Лёша, когда он остаётся ночевать с тётей Катей. Ну, дядя Лёша возмущается недолго. Выходит и нажимает на рычаг телефона. И гонит Витьку в комнату. Мать потом рассказывает, какие страшные ругательства шепчет Витьке дядя Лёша. И что она слышит, как бухает тахта в тётикатиной комнате и понимает, что это бухнулся Витька: то ли после того, как дядя Лёша его ударил, то ли после сильного его толчка.

— Ну, что ты звонишь по ночам? — орёт на следующий день в телефон Витька. — Ты сообщаешь, что всех будишь?

— И знаешь, — говорит он в трубку, — всё! Пора завязывать! Не звони мне больше! И не ходи! Почему? А ты раскинь своими куриными мозгами, может, поймёшь!

— Ну да, — насмешливо говорила в кухне тётя Лена, слушая Витьку. — Так она его и бросила! Дождись!

Точно. Таня появляется в сопровождении Витьки через несколько дней. Они запираются в его комнате. Здесь всем звонившим Витьке девкам я говорю просто: «Его нет». А если спрашивают, не знаю ли я, когда он будет, отвечаю: «Не знаю».

Что они в нём находили? Вообще-то он был миловидным парнем. Слегка похожим на артиста Николая Рыбникова. Но держался с ними нагло. «Течёшь? — переспрашивал он ту, которой звонил. — Ну и иди тогда на...» И вешал трубку.

Послав эту, тут же звонил другой: «Ну что? — спрашивал. — Побалуемся? Есть настроение? Тогда жду, не опаздывай!»

— «Шартрез» — это для баб, — говорит Колян, — сладкий больно.

— А что мы сейчас пьём? — спрашивает Сашка. — Горькую?

— Сравнил, — усмехается Колян, — ты по крепости сравнивай. Здесь 60, не меньше, а в «Шартрезе» и 30 не будет.

— Да какие там 60! — возражает Сашка. — Вон, — он показывает на меня, — паренёк пьёт и ему хоть бы хны.

Да нет! Я уже не могу больше сдерживать тошноту, подступающую к горлу, и пулей выскакиваю в уборную. Она, слава Богу, не занята. Но блевать я начинаю по дороге.

— Зачем ты Геньку спаиваешь? — спрашивает тётя Лена Витьку, который выскочил и смотрит, как она помогает мне замывать следы. — Нашёл себе дружка, — усмехается тётя Лена, — от горшка два вершка!

— А ты не умеешь пить — не пей! — напускается она на меня.

— Привыкнет! — возглашает Витька. — Все так начинают.

— Как ты? — спрашивает он меня. — Выпьешь ещё? Или хочешь полежать? Пойдём, — зовёт он в свою комнату. — У меня полежи. Оклемаешься, пока твои не пришли.

Я забыл сказать, что пил я сейчас первый раз в жизни. Один раз, когда был поменьше, хлебнул из бутылки оставшегося от гостей портвейна «Хирса», и мне он не понравился. А отец, кроме «Хирсы», дома ничего не пил. То есть один он вообще ничего не пил. Покупал «Хирсу» для гостей. Мать не пила никакого вина. Наливала себе в рюмку компоту, чокаясь с гостями. Да и не так уж часто к нам приходили гости. Кажется, по разу в год на какой-нибудь праздник. Дядя Миша, старший брат отца, с женой. Или тётя Лиза, материнская тётка, у которой после ранней смерти её сестры — матери мамы — мама жила до замужества. Тётя Лиза тоже приходила не одна, но с мужем. Причём гости приходили не вместе, а порознь. Мне даже кажется, что дядя Миша никогда не видел тётю Лизу. Так что можно себе представить, как пили с отцом гости-мужчины — дядя Миша или тёткилин муж, если после их ухода в пол-литровой бутылке оставалось вина совсем не на донышке.

Другое дело, когда мы к кому-нибудь из них приходили в гости. Дядя Миша и его жена с дочкой жили в двух больших комнатах в общей квартире, которые дал им институт, где оба работали старшими научными сотрудниками (оба были кандидатами химических наук). У них была приходящая домработница Полина, которая пекла вкуснейшие маленькие мясные пирожки к бульону. И вино на столе стояло с маркой «Массандра», которое было дороже «Хирсы» чуть ли не в два раза. Я любил ходить по магазинам, разглядывать цены.

«Хирса» стоила рубль 32 копейки, а «массандровские» вина начинались от 2 рублей 60. Ну, а у тётки Лизы на столе стояло несколько бутылок — «Шампанское», коньяки «Арагат» и «Самтрест», бутылка-две «Массандры», но ещё и «Напареули», и «Саперави», и непременно бутылка водки.

Тётя Лиза работала надомной машинисткой, а муж её был руководителем артели, которая заключала договоры с театрами на разного рода ремонтные работы. То есть был частником, которому завидовали и мать и отец: «Как сыр в масле катается!» Материнских родственников в Москве было больше отцовских. Да что сравнивать? У отца родни было больше, но в Москве жил один дядя Миша. А материнские родственники почти все жили в Москве. Тётя Лиза была очень гостеприимна. Так что за её столом сидело немало родни и её, и мужа.

Но, конечно, и дяде Мише, и тете Лизе и в голову не приходило налить мне вина.

— Ну что? — встречает меня Сашка. — Оклемался? А я-то думал, ты боец.

— Будет, — говорит Витька. — Вот полежит немного и будет.

Но лежу я совсем немного: снова чувствую позывы и бегу в уборную.

— Полегчало? — спрашивает Витька, когда я возвращаюсь. — Ну, полежи ещё.

Мать, воспитательница детского сада, работала сегодня во вторую смену. Ясно, что, если б работала в первую, меня б Витька не позвал. Приводила мать моего младшего брата Алика, который ходил в старшую группу детсада. А отец, начальник цеха завода пишущих машин, приходил с работы, усаживался на диван с газетой, которая довольно быстро выпадала у него из рук, — он засыпал. И просыпался с приходом матери.

Так что в любом случае лежать мне нужно было на Витькиной тахте. Ведь спал я у себя на том самом диване, где располагался отец. Они с матерью спали на полуторной кровати, которая стояла у противоположенной стены — через стол от меня. А чтобы положить Алика на раскладушку, стол задвигали к окну. И раскладушка почти запирала собой входную дверь. Места в комнате было мало. Да и откуда бы ему быть на 11 с половиной квадратных метров. Это у тётки Лены и тётки Кати комнаты были просторные: 20 метров у тётки Лены и 18,5 — у тётки Кати.

— Да брось ты лежать, — говорит мне Сашка. — Иди сюда, выпьем ещё.

Нет, пить я больше не могу. Но Сашкино лицо не качается и не расплывается. Меня тянет на улицу продышаться. Да и прийти я теперь должен только после матери с отцом. Иначе они узнают про пьянку у Витьки. А в тётё Лене я уверен: она им не скажет.

— Ну, давай пять, — говорит мне Сашка, когда я, одетый, снова вошёл в комнату попрощаться. Я жму руку всем троим. «Не дрейфь», — говорит мне Колян. «Шатрез» за мной, — это Сашка. — Вот наворую», — сладко улыбается он.

Я выхожу на улицу. Стараюсь ступать твёрдо, хотя внутри меня трясёт. Иду на Даниловский сквер (Серпуховской вал). Сажусь на лавочку недалеко от выхода на 5-й Рощинский проезд. Но так, чтобы я видел идущих через сквер, а меня б не видели. С 5-го Рощинского сквер будет переходить мать с Аликом, возвращаясь из детского сада. Снова чувствую рвотные позывы. Ох, как это некстати! Сквер неширокий и довольно людный, спрятаться некуда. Прячу голову за спинку скамейки. И тут же меня выворачивает. Поднимаю голову с трудом. Глаза в слезах. Сквозь слёзы вижу, что кто-то стоит передо мной. Вытираю глаза: генерал. Их здесь много ходит по скверу, он одним своим концом выводит на Донской проезд, где находится Высшая военная академия имени Ворошилова.

— Тебе плохо? — спрашивает меня генерал.

— Отравился, — отвечаю.

— Чем тебе помочь? — спрашивает генерал. — Может, домой проводить? Ты далеко живёшь?

— Нет, — говорю, — рядом. Спасибо большое, я дойду.

Генерал ушёл, а мне безумно хочется спать. Зря я ушёл от Витьки. Нет, не зря. Тётя Катя пришла бы с работы, куда бы я делся? Тётя Катя работает в пивной палатке недалеко от проходной завода имени Сталина. «Золотое дно», — завидуют ей мои родители. Мать с тётёй Катей едва здороваются. Из-за дяди Лёши, у которого есть семья.

Он и приходит к тётё Кате не каждый день, а когда дежурит в своём милицейском управлении — раза три-четыре в неделю. Он майор, а его управление проверяет пивные точки. Так что дядя Лёша и тётя Катя ещё и деловые партнёры.

До тётки Кати в её комнате жила тётя Нюра с дочкой Ниной. Тётя Нюра работала уборщицей в кремлёвском буфете, и у меня сохрани-